

Е. В. Анисимов

СУДЫ НАД ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В XVIII в.

В XVIII в. в России были проведены кардинальные преобразования системы судопроизводства. В 1718 г. была создана Юстиц-коллегия, а чуть позже — система судов в губерниях, провинциях и городах. В основе создания независимой от администрации судебной иерархии лежали шведские образцы организации юстиции, которые Петр I вообще широко использовал в своей реформе. Как и многие преобразования Петра, реформа судопроизводства проводилась в комплексе с другими преобразованиями, сочеталась с созданием института прокуратуры, нового корпуса законов для судопроизводства. Вершиной этой работы стало издание в 1723 г. «Указа о форме суда». Словом, в XVIII в. Россия имела довольно развитую судебную систему. Однако для политического сыска судебная реформа мало что значила. Государственные преступления находились в исключительной компетенции государя, который сам определял, как и в какой форме будут судить государственных преступников. Экстракт (или выписка), поданный государю сыскным ведомством, обычно содержал проект приговора по делу.

На подобный проект приговора следовала резолюция государя (государыни), который либо подписывал подготовленный заранее пространный указ, либо ограничивался краткой пометой на проекте или даже на экстракте. Пожалуй, ярче всего это видно в деле Варлаама Левина. Весной 1722 г. Петр I уезжал в Персидский поход и поспешно заканчивал оставшиеся срочные государственные дела. 17 апреля 1722 г. обвиненный в кричании «непристойных слов» Варлаам Левин был привезен в Москву, начались его допросы и аресты причастных к нему людей, которых свозили в Преображенский приказ, а 13 мая, т. е. в самый разгар следствия, заменявший начальника Тайной канцелярии П. А. Толстого майор гвардии А. И. Ушаков в своем докладе спрашивал царя, который в это время уже плыл по Оке: «Старцу Левину по окончании розысков какую казнь учинить и где, в Москве или Пензе?». Император начертал всего два слова: «На Пензе».¹ В сущности, эти два слова и есть смертный приговор по делу, рассмотрение которого было в разгаре, еще десятки людей, сидевших месяцами в колодничьих палатах, не были допрошены, а приговор уже был вынесен. Конечно потом он был многословно оформлен в виде манифеста.

В данном случае мы сталкиваемся с *приговором-резолюцией*, которая делалась на экстракте, выписке, докладе сыскного ведомства, Сената или комиссии назначенных чиновников, которые, прослушав доклад начальника Тайной канцелярии, подписывали заготовленную заранее «сентенцию» — проект приговора. Таким образом выносились приговоры и в послепетров-

ское время. Приговором по делу солдата Седова 1734 г. служили каракули императрицы Анны Ивановны на полях экстракта дела, составленного начальником Тайной канцелярии А. И. Ушаковым: «Места смерти сослат в Ахоцкъ».² Приговор-волю государя мог передать и кто-то другой — действовавший по поручению монарха чиновник, доверенные люди, фавориты. В истории XVIII в. известно множество подобных, по сути — бессудных, расправ, когда нет даже намека на какое-либо судебное рассмотрение дела.

Со времен Екатерины II, когда идеи Просвещения, уважения к личности, законности стали популярными, модными, начали входить в нормы права, формы вынесения приговоров политическим преступникам претерпели изменения, хотя по существу мало что изменилось. Так, дело Василия Мировича, пытавшегося освободить бывшего императора Ивана Антоновича в 1764 г., было решено рассмотреть общим составом Сената, как писала Екатерина II, «купно с Синодом, призвав первых трех классов персон с президентами всех коллегий», которым «производитель всего следствия» генерал-поручик Веймарн представил свой доклад — экстракт. Из него были опущены многие важные цитаты из подлинных материалов следствия.³ Суд этот примечателен двумя моментами. С одной стороны, впервые после дела Алексея Петровича 1718 г. преступник предстал перед судьями, что впоследствии породило фольклорные рассказы о смелых ответах Мировича своим судьям. Кроме того, некоторые члены суда выразили сомнения относительно законности убийства экс-императора Ивана Антоновича его охранниками. Действительно, такие вопросы могли возникнуть, так как Екатерина II и ее окружение скрыли от суда содержание инструкции императрицы охранявшим Ивана Антоновича Власьеву и Чекину о необходимости убить узника при попытке освобождения его кем-либо. В итоге убийство бывшего императора выглядело как самодеятельность охраны.⁴ С другой стороны, возможно, в первый раз суду не подкладывался на стол подготовленный заранее приговор. Для его выработки на основе представленных документов и выписок из Священного Писания трое из членов суда образовали комиссию, которая и занялась подготовкой приговора.

Однако, как и прежде, окончательное решение судьбы государственного преступника решала государыня, которая и приговорила Мировича к смерти. Принципы суда над Мировичем были скопированы и несколько усложнены в 1774 г., когда дело дошло до суда над Емельяном Пугачевым. Судьба Пугачева и нескольких его сообщников рассматривалась в течение двух дней (30—31 декабря 1774 г.) так называемым Собранием (другое название — «Полное собрание», «Комиссия»), состоявшим из Сената, Синода, «первых 3-х классов особ и президентов коллегий» — всего 33 человека. Этому Собранию предписывалось выслушать в Тайной канцелярии доклад от производивших расследование генералов князя Волконского и Павла Потемкина и затем «учинить в силу государственных законов определение и решительную сентенцию по всем ими содеянным преступлениям противу империи», которую затем посылали в Петербург на утверждение («конфирмацию») самодержице. Для составления текста приговора из числа судей была назначена комиссия. На основании каких материалов велось судебное разбирательство и составлялась «сентенция»? Совершенно точно известно, что документы дела, которое вели руководители Следственной комиссии Волконский и Потемкин, Собранию не представлялись. Волконский прочитал экстракт по делу Пугачева, подготовленный в Тайной экспедиции, а потом вместе с Потемкиным дал судьям нужные пояснения. Экстракт же составили по принятой в сыске бюрократической технологии, но даже и его не прочитали суду полностью, о чем особо распорядилась императрица.⁵

Допрос Пугачева перед судом был ограничен шестью составленными заранее вопросами. Их, перед тем как ввести преступника в зал, прочитал судьям генерал-прокурор Вяземский. Цель этого допроса состояла не в орга-

низации судебного расследования, а лишь в том, чтобы присутствующие убедились: перед ними — тот самый Пугачев, простой казак, беглый колодник, самозванец, разоритель городов и что на следствии он показал всю правду и теперь раскаивается в совершенных им преступлениях. После утверждения этих вопросов ввели Пугачева, который, как записано в журнале судебного заседания, упав на колени, «на помянутыя вопросы, читанные ему <...> во всем признался, объявляя, что сверх показанного в допросах ничего объявить не имеет, сказав наконец: „Каюсь Богу, всемилостивейшей государыне и всему роду христианскому“. Собрание оное приказало записать в журнал». На этом судебное расследование крупнейшего в истории России XVIII в. мятежа, приведшего к гибели десятков тысяч людей, закончилось. «По выводе злодея» из зала заседания Вяземский предложил собранию не только подготовленные выписки из законов, но и «сочиненной Павлом Сергеевичем Потемкиным краткий экстракт о винах злодея Пугачева и его сообщников, дабы, прослушав оные, к постановлению сентенции <...> решиться можно было».⁶

И все же следует отметить, что «Решительная сентенция», в отличие от готовых ей приговоров предшествующих царствований, не была целиком готова до суда и затем тут же подписана присутствующими судьями. Екатерина II, контролируя подготовку процесса, решая, что нужно сказать судьям, а что от них скрыть, все-таки дала суду определенную свободу действий, взяв за образец процесс Мировича 1764 г. В ответ на вопрос Вяземского: «Ежели в собрании покажется какое обстоятельство недовольно ясным, то дозволять ли делать пополнительные допросы?» — императрица отвечала: «Дозволить, по примеру Мировича».⁷ Как мы видели из вышесказанного, Вяземский не решился рисковать и не допустил свободных вопросов судей Пугачеву, как это было в деле Мировича, и поэтому заставил их, перед самым приводом «злодея», одобрить подготовленные заранее 6 вопросов. И тем не менее дискуссия на суде разгорелась после того, как вывели из зала Пугачева. Она касалась вопроса о мере наказания преступников, и генерал-прокурор оказался в довольно тяжелом положении.

Как известно, русское дворянство было потрясено пугачевщиной, обеспокоено последствиями бунта, опасалось за сохранение крепостного права, а поэтому требовало примерной жесткости в наказании зачинщиков и рядовых участников бунта. У Екатерины II в конце 1774 г. были все юридические основания и силы казнить тысячи мятежников, как этот сделал в свое время Петр I, уничтожив фактически всех участников стрелецкого бунта 1698 г. и выслав из Москвы тысячи их родственников. И тем не менее Екатерина II по многим причинам не могла пойти на такую демонстративную жестокость, которую бы, без сомнения, одобрило дворянство. Она думала о том впечатлении, которое могут произвести массовые казни на общественное мнение Европы. А им императрица, как известно, весьма дорожила. «Европа подумает, — писала она по этому поводу Якову Сиверсу в декабре 1773 г., — что мы еще живем во временах Иоанна Васильевича».⁸ И хотя на местах, часто без особой огласки, с пугачевцами расправлялись весьма сурово, устроить средневековую казнь с колесованием и четвертованием императрица не хотела. Конечно, дело было не только в нежелании Екатерины массовыми казнями огорчать европейских политиков и публицистов. Она считала, что насилие вообще не приносит пользы и мира обществу и нужно ограничиваться самым минимумом насильственных мер. Поэтому она полагала, что Пугачева и его ближайших сообщников, конечно, нужно казнить, но из этого нельзя делать кровавую вакханалию. В переписке с Вяземским императрица настаивала на возможном смягчении жестокости и наметила «контуры» будущего приговора: «При экзекуциях чтоб никакого мучительства отнюдь не было и чтоб не более трех или четырех человек», т. е. речь идет об ограничении числа смертных приговоров.⁹ Еще не зная о вынесен-

ном судом решения, она писала 1 января 1775 г. М. Н. Волконскому: «Пожалуй, помогайте всем внушить умеренность как в числе, так и в казни преступников. Не должно быть лихим для того, что с варварами дело имеем».¹⁰

Между тем высшие сановники и дворянство настаивали на ужесточении казни преступников по старому принципу: «Чтоб другим неповадно было». Императрица и ее окружение были обеспокоены общими кровожадными настроениями в Москве — дворянской столице. Предупреждая об этих настроениях Екатерину и отмечая, что среди сторонников нежестокости казни всего лишь несколько сенаторов, Вяземский писал, что, в случае нежелательного развития событий, он применит «модерацию», т. е. затяжку с вынесением приговора, а в крайнем случае подаст как генерал-прокурор протест императрице. Для того чтобы не распалить судей, он и не дал им возможности устроить полноценный судебный допрос Пугачева. И все же Вяземскому не удалось выполнить указ Екатерины об уменьшении числа приговоренных к смертной казни: вместо 3—4 их стало шестеро, в том числе Пугачева и Перфильева суд особо приговорил к четвертованию. Одобряя «Решительную сентенцию» в том виде, в каком она вышла из-под пера суда, т. е. не смягчив наказания, императрица, по-видимому, не могла не согласиться с Вяземским. Он писал, что, учитывая тяжесть преступления, облегчение казни «принято бы было предосудительно».

История суда и приговора Пугачева замечательна с точки зрения историка политического сыска и истории России вообще. Это тот случай, когда представленные суду высших должностных лиц минимальные свободы в выборе средств наказаний использовались судьями исключительно для ужесточения этого наказания, для придания ему свирепого, антигуманного уклона. Эта та ситуация, когда государственная безопасность понималась не с точки зрения государственного деятеля, стоящего над сословиями, классами, «состояниями», думающего о восстановлении в стране гражданского мира на прежних началах, а исключительно с узкокорпоративных позиций дворянства, полного мстительного желания примерно наказать взбунтовавшихся «хамов». В отличие от членов Суда, Екатерина II была дальновидным государственным деятелем, она ограничилась минимальной жестокостью в казни предводителей мятежа и дальнейшими мерами ослабила социальную напряженность, а это привело впоследствии к стабилизации и установлению достаточно прочного внутреннего порядка.

Дело А. Н. Радищева 1790 г. любопытно в истории политического сыска XVIII в. тем, что показывает, как работал его механизм, когда он оказывался «сцеплен» не с назначенной верховной властью комиссией, а публично-правовым институтом уголовного суда. Как известно, дело против Радищева было, строго говоря, возбуждено по личному указу Екатерины II, которая, услыша о появлении скандальной анонимной книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», приказала найти ее, прочитала, сделала многочисленные и крайне негативные замечания по тексту книги, а затем эти замечания (вместе с книгой) передала в Тайную экспедицию С. И. Шешковскому. Тот на основании пометок императрицы на полях книги составил вопросы для автора, найденного и арестованного еще до того, как государственная закончила чтение крамольной книги.

После допросов Радищева и причастных к этому делу людей императрица послала главнокомандующему Петербурга графу Я. А. Брюсу 13 июля 1790 г. указ: «Недавно издана здесь книга под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“, наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и, наконец, оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской». На этом основании Екатерина предписала Брюсу: «Такое его преступление повелеваем рассмотреть и

судить узаконенным порядком в Палате уголовного суда Санкт-Петербургской губернии, где, заключа приговор, взнести оный в Сенат наш».¹¹

Случай этот следует признать уникальным, ибо впервые за всю русскую историю дело о государственном преступлении было передано в общий уголовный суд для его рассмотрения. Дело было возбуждено по воле самодержицы, преступление состояло в публикации литературного произведения, его продажа рассматривалась как распространение материалов, наносивших, по мнению императрицы, ущерб государству и самодержавной власти, т. е. существующему строю.

15 июля Брюс, выразивший волю высочайшей истицы, направил в Палату уголовного суда особое «Предложение» о начале рассмотрения дела Радищева: «Получил я именной высочайший за собственноручным Ея и. в. подписанием от 13 сего месяца указ, с которого при сем точную копию, равно и упоминаемую в том приказе книгу приобщаю, которую в Уголовной палате господам заседающим и прочесть, не впуская во время чтения в присутствие канцелярских служителей, и по прочтении помянутого Радищева о подлежащем спросить». В тот же день Палата приняла дело к производству, предписала судьям книгу Радищева публично прочесть «и по прочтении, заметя в чем следует, показанного советника Радищева спросить, учиня ему о том вопросные пункты и для взятия против оных с него, Радищева, ответа истребовать ево ис-под стражи от Санкт-Петербургского обер-коменданта».¹²

17 июля привезенный в Палату из крепости Радищев ответил на 4 вопроса. Преамбула «Вопросных пунктов» полностью включала положения Указа императрицы: «Вопросные пункты, учиненные Санктпетербургской губернии в Палате уголовного суда коллежскому советнику Александру Радищеву, которому, по случаю отдачи ево имянным Ея и. в. высочайшим указом под суд сей палаты, за содеянное им преступление изданием здесь книги под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и, наконец, оскорбительными и неистовыми изращениями противу сана и власти царской, показать о нижеследующем: „1-е. В каком намерении сочинили вы оную книгу? 2-е. Кто имянно были вам в том сообщники? 3-е. Чувствуете ли вы важность своего преступления? 4-е. Сколько напечатано вами оных экземпляров и из того выпущено в свет и кому имянно сами вы раздавали? 5-е. И наконец, объясните нам у сего же по силе указа 768 года 20-го дня и о службе своей“».¹³

Как видно из вопросов, самый важный для уголовного процесса того времени факт — совершил или не совершил коллежский советник Радищев преступление — Палата уголовного суда даже не устанавливала и вопросов по содержанию книги (а ведь именно в ее тексте высочайший истец нашел состав преступления) автору не задавала. То, о чем спрашивали подсудимого, носило самый обобщенный характер и было вполне типично скорее не для суда, а именно для политического сыска XVII—XVIII вв., да и других веков русской истории. Почти всегда политический сыск требовал от подсудимого назвать себя (вопрос 5-й Радищеву), открыть преступную цель своих действий, намерение (вопрос 1-й), назвать своих сообщников (вопрос 2-й), рассказать о круге распространения своих преступных действий — «кому разглашал» (вопрос 3-й) и, наконец, раскаяться, «принести вину государю» (вопрос 4-й). Из записки гофмейстера А. А. Безбородко Якову Брюсу следует, что суд вообще не имел отношения к заданным Радищеву вопросам, они были составлены и переданы Палате через Брюса как документы, не подлежащие уточнениям и дополнениям. Думаю, что вопросы эти для Па-

латы составили в Тайной экспедиции. Во время процесса Радищева Безбородко, Брюс и Шешковский постоянно обменивались записками. 16 июля Шешковский срочно направил Брюсу копию составленного ночью Радищевым чистосердечного раскаяния, которое, как пишет Шешковский, «инного не содержит, как он описал гнусность своего сочинения и кое он сам мерзит презирает. — Е. А.)».¹⁴

Посылая копии этой бумаги накануне суда, Шешковский давал Брюсу знать, что, благодаря его, Шешковского, усилиям, раскаяние преступника уже получено и он уже подготовлен к процессу и сможет подтвердить на нем все, что от него потребуют. Любопытно, что Тайная экспедиция никак не проявила себя на процессе и составленное в ней дело Радищева на суде так и не появилось. Упомянутая выше записка Безбородко Брюсу является, по существу, сценарием всего процесса и объясняет, почему дело, заведенное на Радищева в Тайной экспедиции, не упоминалось, а важнейшая цель всякого судебного разбирательства — установление факта совершения преступления оказалась весьма грубо проигнорирована: «Порядок, которым дело о преступлении Радищева рассмотрено и решено быть долженствует, не может быть иной, как следующий. Палата уголовного суда призовет его и спросит: далее следуют вышеприведенные вопросы. — Е. А.). По таковом допросе не трудно будет Палате положить свой приговор на точных словах законов основанный и оный, объявля при открытых дверях, взнести на рассмотрение в Сенат».

Безбородко считал, что дело Радищева, подготовленное в Тайной экспедиции, никак не должно фигурировать в судебном процессе, ибо «допросы селейные ему учинены быть долженствовали из предосторожности, какие у него скрывались умыслы и не далеко ли они произведены», т. е. допросы Радищева в крепости касались подозрений в заговоре и его намерений, а поэтому их надлежало окружить государственной тайной. Эти темы, по мнению статс-секретаря, не относятся к компетенции публичного суда, задача которого проста: «Видя его преступление, удостоверятся в нем новым его признанием и имеет прямые законы на осуждение его. Сверх того, многие вопросы, особливо же: „Не имеет ли он какого недовольствия или обиды на Ея величество?“ отнюдь непристойно выводить перед судом». Точно так же к компетенции суда, по мнению Безбородко, не относится и чистосердечное раскаяние, написанное Радищевым в крепости: «Раскаяние до суда не касается, а в воле государевой на него воззреть, когда суд до его крайнего изречения достигнет».¹⁵

Получив ответы Радищева на вопросы, Палата в соответствии с предписаниями свыше не уточняла их, хотя из приговора суда следует, что ответы Радищева не удовлетворили судей, в особенности ответ на вопрос о намерении издать «Путешествие». Как известно, еще на допросах в Тайной экспедиции Радищев так говорил об основной причине, подвигнувшей его взяться за перо: он хотел прославиться как писатель и среди писателей. На суде Радищев ответил в том же духе: «Намерение при сочинении сей книги другаго не имел, как быть известному в свете между сочинителями и дабы прослыть таковым, то есть сочинителем остроумным».¹⁶ Вместо судебного выяснения этого вопроса Палата приняла два решения: «1. Как означенный коллежский советник Радищев в ответах своих показывает, что при сочинении показанной книги намерения другаго он не имел, как быть известному в свете между сочинителями и прослыть остроумным сочинителем, а также в оном и сообщников никого не было, и для того учинить ему увещание священническое». Это означало, что суд Радищеву не поверил и на него решили оказать моральное давление, фактически получить от преступника «исповедальный допрос» об истинном его намерении и о сообщниках.

Одновременно с решением подвергнуть Радищева увещанию суд 17 июня предписал, во-первых, чтобы Управа благочиния немедленно нарядила

следствие и установила, верно ли (как утверждал Радищев), что оставшиеся за раздачей и продажей экземпляры «Путешествия» были сожжены его служителем Давыдом Фроловым, и, во-вторых, чтобы все розданные Радищевым в подарок друзьям книги немедленно отобрали. Наконец, Казенной палате, по ведомству которой служил Радищев, предписывалось представить копию с его послужного списка. Иначе говоря, и здесь мы видим, что суд, не устанавливая факта преступления, позаботился прежде всего об изъятии книги. Между тем уже с XVII в. преступления, связанные с литературой, подвергались обязательной экспертизе, чего не было сделано в деле Радищева умышленно.

Примечательно, что и вопросом о распространении книги Радищева суд занимался как-то выборочно. По ходу суда возникали неизбежные следственные вопросы, которые квалифицированные судьи Палаты не могли бы не поставить перед Радищевым. Так, при ответе на 4-й вопросный пункт («Сколько напечатано вами оных экземпляров и из того выпущено в свет и кому имянно сами вы раздавали?») Радищев показал, что напечатал около 650 экземпляров, что из того числа продано книгопродавцу Зотову 25 экземпляров и роздано разным людям, в том числе — для посылки за границу (указал имена адресатов), 6 или 7 экземпляров. Иначе говоря, дворовый Фролов сжег не менее 600 экземпляров. В своем показании на суде он сказал, что книг было «немалое количество», но, так как он грамоте неучен, то сказать, сколько точно он сжег книг, он не может. Как ни странно, суд, казалось бы заинтересованный в том, чтобы уличить автора в распространении книги, показания Фролова не уточнял, хотя процессуальная практика тех времен знала различные способы выявления давно исчезнувших свидетельств.

Еще более странным кажется, что к суду не привлекли в качестве свидетеля книгопродавца Герасима Зотова, получившего от Радищева книги для продажи и пытавшегося в Тайной экспедиции отрицать этот факт. Имя Зотова вообще в суде не фигурировало. То же можно сказать о явно компрометирующем автора эпизоде с его намерением отправить книгу за границу. Названного Радищевым в этой связи свидетеля Вальца не допрашивали. Не была изучена и судьба тех 6 книг, которые Радищевым подарил разным людям, — а их он называл в судебном допросе. Читая судебное дело Радищева, можно найти еще десяток несуразностей и странностей при разборе дела, непростительных для суда тех времен. Но все эти странности легко объяснимы, так как помимо дела в суде сохранилось дело Радищева, которое велось в Тайной экспедиции, а также переписка по этому поводу высших должностных лиц империи. Суть в том, что судебное расследование, в сущности, было ненужным: еще до начала суда большинство важных эпизодов дела выяснил руководитель сыска С.Шешковский. Так, допросу книгопродавца Зотова в Тайной экспедиции уделили большое внимание, проданные экземпляры отыскивали у всех покупателей. Почти все подаренные автором книги изъяли и уничтожили, о чем сразу же уведомили Шешковского.¹⁷ Зотова, который долго «запирался», уличали в Тайной экспедиции на очной ставке с помощью самого Радищева. Книгопродавец повинился, и его выпустили из Петропавловской крепости под расписку о неразглашении.

Суд старательно обходил именно те эпизоды, которые были полностью изучены в ведомстве Шешковского и которые вполне уличали Радищева в распространении книги. Думаю, что какие-то указания о том, что спрашивать, а о чем молчать, судьи получили. Так, в суде весьма тщательно разбирались пропущенный в Тайной экспедиции эпизод о таможенном надзирателе А. И. Царевском, которого заподозрили в сообщничестве с Радищевым, так как у него находилась корректура «Путешествия». Однако довольно быстро графологическая экспертиза показала, что корректуру правил Радищев, а не Царевский. Так, заманчивая идея о сообщнике не была подкреплена

актами. Ничего не дала суду и полученная им копия послужного списка: из нее следовало, что Радишев не только «в штрафах и подозрениях не был», но и имел орден Владимира 4-й степени. На этом судебное разбирательство закончили, и Радишева приговорили к смертной казни.

Приговор воспроизвел всю формулировку письма царицы Брюсу об «умствованиях, разрушающих покой». Приговор Палаты вместе со всем следственным делом передали Сенату, который вынес свое определение. При этом Сенат оказался в затруднительном положении. Открыто обвинить соинициатора книги в том, что предусматривали перечисленные Палатой статьи иконов, а именно — в заговоре или осуществлении бунта или измены, а также в дезертирстве, Сенат не решился. Если рассмотреть весь комплекс иконов, то более всего к делу Радишева годилась глава 14-я Морского устава о пасквильстве. Действительно, книга была анонимная, содержала напады против власти. Но и эта статья к делу Радишева все-таки явно не подходила потому, что предписывала пасквилянту «наказание такое учинить, что было довелось тому, про кого он писал, ежели б он в том виноват был». В толковании статьи поясняется, что если пасквилянт кого-то назвал изменником, то с автором пасквиля нужно поступить как с изменником. Применить эту статью без толкования содержания книги (а тайна ее содержания была главной в течение всего процесса) оказалось невозможно.

Поэтому Сенат снял все приведенные Палатой уголовного суда статьи приговора, оставив только одну — 20-й артикул. Данный артикул как раз предусматривал смертную казнь за «непристойные слова» тому, кто «против величества особы хулительными словами погрешит, его действие и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет». И только тогда, когда Сенат приговорил Радишева по 20-му артикулу, сама Екатерина, ознакомившись с определением Сената, добавила еще одну статью — нарушение служащим, каковым являлся в момент совершения преступления Радишев, данной им присяги. Государственный совет 19 августа рассмотрел доклад Сената и утвердил приговор. Затем последовал указ Екатерины от 4 сентября 1790 г., согласно которому Радишев «для всеобщей известности» в связи с заключением мира со Швецией освобождался от смертной казни и каторги и предписано «сослать его в Сибирь в Илимский острог на десятилетнее безсходное пребывание».¹⁸ В преамбуле указа полностью повторялась та самая формулировка, которую дала Екатерина II в «исконном» указе Брюсу о возбуждении дела («вредные умствования», «негодование пролеву начальников», «оскорбительные и неистовые выражения» и т. д.). В принципе этот указ о ссылке Радишева мог появиться и без всякого процесса: мы знаем, каким образом решались дела об оскорблении «чести Ея и. ц.» до царствования Екатерины II. Но в конце XVIII в. в екатерининской России просто приговорить к смерти подданного и дворянина, попавшего по какой-то причине в «опалу», стало трудно. Основы сословного и правового государства, которое строила Екатерина II, входили в явное противоречие с исконным проявлением самодержавной воли, остававшейся, как и 100 лет до этого, ничем не ограниченной и абсолютно защищенной от критики. Поэтому и потребовалась процедура явно фиктивного суда.

Надо полагать, что опыт суда над Радишевым показался удачным, и когда в 1792 г. началось дело Н. Новикова, решили также провести его через судебный процесс. Это видно из переписки Екатерины II с главнокомандующим Москвой князем А. А. Прозоровским, в которой императрица требовала от него организовать судебный процесс над Новиковым. 1 мая 1792 г. Прозоровский получил именной указ, в котором говорилось: «И сего ради повелеваем онаго Новикова, на основании нашего учреждения (т. е. созданных в ходе судебной реформы местных судебных органов. — Е. А.), предать иконному суждению, избрав надежных вам лиц». Против этого места стоит пометка Прозоровского: «Прошу объяснить мне сии подчеркнутыя слова, су-

дить по законам, надо послать его в уездный суд, то что значит избрать надежных людей? Я опасаясь, чтоб в чем не ошибитца».¹⁹

Из других источников известно, что, в отличие от главнокомандующего Петербурга графа Брюса, Прозоровский не блистал умом, дело Новикова он воспринимал как повод «навести порядок» в старой столице, примерно расправиться с «мартинистами». Уже из его недоуменной пометы видно, что провести так же гладко процесс Новикова, как это сделал с Радищевым Брюс, Прозоровский не сможет: главнокомандующий не понял намеков императрицы о том, как бессудно засудить по законам, и о подборе послушного состава суда. Такой «организатор» мог провалить процесс. Кроме того, сам преступник Новиков оказался умнее и куда менее покладист, чем испугавшийся Шешковского Радищев. Новиков своей вины не признавал и давал убедительные и точные (по мнению следствия — «изворотливые») ответы на все поставленные ему вопросы. Кроме того, обвинение в принадлежности к масонству, которое не запрещали до этого и лишь относительно незадолго до дела Новикова превратили из предмета ядовитых шуток императрицы в государственное преступление, могли предъявить многим людям высшего света. Короче, императрица поняла, что процесс может стать большим скандалом и суд превратится в посмешище. Поэтому она перевела Новикова сначала в Петербург. 9 мая 1792 г. Екатерина написала: «Хвалю поступок князя Прозоровского, что остановил мое приказание об осуждении Новикова, а написать надлежит как сего утра я уже приказала привести сего бездельника в Шлиссельбург». Императрица привычно свернула на проторенную дорогу бессудных решений и поступила, как ей позволяли традиция и закон, — вынести приговор-резолуцию только на основании материалов дела Тайной экспедиции. В указе от 1 августа 1792 г. Новикова было приказано «запереть» на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость «по силе законов».²⁰ Резолуцию «По силе законов» часто использовал Петр Великий, когда затруднялся в указании конкретной статьи, по которой осуждал преступника. В этом ярче всего выражалась «законность» неограниченной государственной воли, природа самодержавия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 31.

² РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 269, ч. 1, л. 17 об.

³ Семевский М. И. Император Иоанн Антонович. 1740—1764 гг. // РС. 1879. Т. 24. С. 499—500; Корф М. А. Брауншвейгское семейство. М., 1993. С. 273.

⁴ Корф М. А. Брауншвейгское семейство. С. 274; Бильбасов В. А. Шлиссельбургская нелепа // ИВ. 1888. Т. 33. С. 295—297.

⁵ Восстание Емельяна Пугачева: Сб. Л., 1933. С. 183—184; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 6. С. 141.

⁶ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым. С. 144.

⁷ Там же // ВИ. 1966. № 9. С. 140.

⁸ Брикнер А. Г. История Екатерины II. СПб., 1885. Т. 2. С. 230.

⁹ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 140.

¹⁰ Там же. С. 145.

¹¹ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.: Л., 1952. С. 211.

¹² Там же. С. 210—212.

¹³ Там же. С. 212—213.

¹⁴ Там же. С. 197—198.

¹⁵ Там же. С. 196—197.

¹⁶ Там же. С. 213. 207—209.

¹⁷ Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 2. С. 101—102.

¹⁸ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. С. 282.

¹⁹ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 42. С. 227.

²⁰ Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., 1961. С. 477.